

товом, в том числе в связи с социальными различиями и различиями в уровне жизни, межличностных отношений, включая учёт нравственных, традиционных ценностей и многое другое.

Такая призма презентации материала на занятиях по переводу как средству межкультурного взаимопонимания, предмету изучения и обучения лежит в основе утверждения об уникальности каждого коммуникативного события, а также о принципиальной неоднозначности языка, возникающей при порождении и интерпретации сообщений в коммуникативном акте. Социальный характер трудовой и познавательной деятельности иностранных студентов предполагает постоянное коммуникативное межличностное взаимодействие, необходимым условием, средством и продуктом которого является язык. Вместе с тем общие функции языка и речи конкретизируются в зависимости от конкретных задач общения. Занятия по переводу помогают преодолеть барьер разных культурных сообществ, дистанцию между коммуникантами и создать возможности успешности, бесконфликтности, перспективности и продуктивности в коммуникативном поведении участников общения.

Примечания

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
3. Корчагина Е.Г. Диалог двух культур (вопросы культуры в переводе) // Русский язык в многополярном мире: новые лингвистические парадигмы диалога культур: сб. ст. М.: РУДН, 2009. С. 392–397.
4. Милославская С.К. Общество и язык // Мир русского слова. 2001. № 4. С. 14–24.
5. Митрофанова О.Д. Принцип диалога культур в методическом освещении // Мир русского слова. 2005. № 1–2. С. 44–48.
6. Норейко Л.Н. Социокультурный контекст изучения языка // Русский язык в многополярном мире: новые лингвистические парадигмы диалога культур: сб. ст. М.: РУДН, 2009. С. 68–71.
7. Glutknecht C., Lutz Rolle. Translating by Factors. New York Press, 1996.

*Т. С. Садова (г. Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский государственный университет*

© Т. С. Садова, 2016

Слова-дуэты в русском повседневном обиходе и фольклоре

В статье рассматриваются сдвоенные лексические единства различной грамматической и семантической онтологии, активно бытующие в русской повседневной и устно-поэтической речи. Анализируется их содержательная разнородность с точки зрения способов сцепки компонентов в единое целое.

Ключевые слова: лексические биномы, фольклорная формула, устноречевая традиция, когнитивная операция, слова-дуэты

Русская живая речь (обиходная, профанная, естественная) изобилует особыми лексическими образованиями, состоящими из двух грамматически и семантически равноправных лексем, представляющих, как правило, одну часть речи, выступающих в единой синтаксической позиции и, в силу близости по значению, как будто создающих ситуацию информационной избыточности, даже тавтологии: *пошло-поехало, худо-бедно, подобру-поздорову, шито-крыто, потихоньку-полегоньку, ни(е) шатко ни(е) валко, ни стыда ни совести, мать-перемать* и др. Отметим, что некоторые из них зафиксированы в современных словарях фразеологического типа [см., напр.: 9, с. 535], что свидетельствует об отношении к ним как устойчивым единицам речи, имеющим все признаки фразеологической целостности.

В письменной фиксации чаще всего эти сдвоенные лексемы имеют дефисное соединение, графически сигнализирующее о том же – о содержательной целостности сочетания. Неслучайно О.И. Фонякова, исследовавшая семантико-стилистические особенности *парных сочетаний* (в ее терминологии), отмечает специально, что они «состоят из двух одинаковых или подобных лексических единиц, объединенных общностью значения и функции в единый семантический комплекс <...> (и со знаком дефиса в тексте)» [8, с. 57]. Хотя в разных случаях, в разное время написание одних и тех же сдвоенных номинаций могло различаться: *Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобру-поздорову. Г-жа Простакова [Д.И. Фонвизин. Недоросль (1782)]; А было бы в моей дуброве поживу, подобру, поздорову. [В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина (1888)]. Это еще с тех времен, когда батраки воровали мясо у хозяев и, чтобы все было шито-крыто, готовили его таким вот способом... [Дина Рубина. Окна (2011)]; Не позднее этого месяца я его возьму. Ваше дело обставить шито крыто. – Хорошо, – проговорил Азеф. [Р. Б. Гуль. Азеф (1958)].*

Научной литературы по поводу таких парных сочетаний достаточно, терминологических обозначений – также много, и каждое из них – факт особого аспектного отношения к этим интереснейшим и активнейшим по сей день двойным номинациям: *квази-слова с дублированной семантикой* [3], *композицы* [10], *сросшиеся синонимы* [5], *избыточно-синонимичные формулы, сдвоенные формулы, плеонастические сочетания, парные формулы* [1; 6], *ассоциативные сочетания* [7], *гендиадис* [2], лексические повторы [4] и др.

Совершенно очевидно то, что слова-дуэты (назовем их здесь по формальному признаку наличия двух лексем в единой номинативной функции) – родом из устной речи; в большом изобилии употребляются они в различных жанрах русского (славянского) фольклора, причем в качестве устойчивых формул: *А и кто бы послужил мне верой-правдою* [Круглов, 1985:71]; *Ворота у города железные, Крюки-засовы все медные* [Круглов, 1985: 159]; *И убит своим ножищем-кинжалищем* [Круглов, 1985: 144].

Иногда в синтаксических работах всякие сдвоенные народноречевые формулы – без различия и отдельного рассмотрения – трактуются как случаи с однословным необособленным определением в виде приложения с функцией уточнения: *тоска-печаль, путь-дорога* [напр.: 7, с. 103–104]. Однако такая квалификация представляется весьма поверхностной. Очевидно, что в фольклоре (и устной речи в целом) действительно встречаются слова с однословным определением в виде второго номинатива, типа: *мать-подорожник, сон-трава, мужичина-деревенщина, стрелец-удалец, девица-красавица* и т.д. Однако частотны и другие: с равноправными – с синтаксической и семантической точек зрения – элементами, в которых сдвоенная номинация не «свернутое словосочетание», а нечленимое содержательное единство: *грусть-тоска, вера-правда, хлеб-соль, стежки-дорожки, пошло-поехало* и др. В качестве вариантов таких сдвоенных дефисных сочетаний следует считать и те, что употребляются с союзом *и* на месте дефиса, напр.: *верой и правдой* (только в тв. п.), *хлеб и соль / хлебом и солью* и др. Вот примеры из НКРЯ: *Однако в очерке А. Фирсова говорится, что императрицу в доме купцов Дорофеевых встречали хлебом_и_солью хозяева дома, и она велела принять от хозяев хлеб_и_соль* [София Привалихина. Царская скорость, или Последняя весна императрицы Елизаветы Алексеевны // «Наука и религия». 2007]. *Вот только местная администрация встретила новоприбывшего не_хлебом_и_солью* [Виктор Романчин. Император тундры (2003) // «Вслух о...». 2003.04.30].

Из приведенных примеров видно, что семантические отношения между компонентами этих «дуэтов» могут быть весьма разнообразны: от характеризующих (*ангел-хранитель, мать-земля*) до объединительных, суммарно обобщенных (*грусть-тоска, путь-дорога, шито-крыто*). Частеречное разнообразие также свидетельствует о значительной активности этого типа образования номинаций в устноречевой традиции: *бой-драка, расти-матереть, ел-пил, жил-был, полно-весело, прохожий-проезжий* и др.

С точки зрения современной лексикологической позиции – перед нами как будто бинарная связка синонимов: *Ехать в чисто поле... на рать-побоище смертное* [Чичеров, Ухов, 1969: 50]; *И узнала его конь-лошадь добрая* [Аникин, 1986: 238]; *Набирала она дань-пошлину* [Аникин, 1986: 233]; *Как же, братцы-товарищи! Время подходит холодное, где тепла искать?* [Афанасьев 1958: 35]. И вновь следует констатировать, что семантические скрепы компонентов очень разные.

Заметен, например, механизм метонимического переноса части на целое и наоборот: *Лист-дубравушка шумит, грусть мою замаливат* [СЧ: 283]; *Полно-полно потрудились в нищете-неволюшке* [СЧ: 286]; *Ты скажи мне про род-отечество* [Аникин, 1986: 238]; *Любить-жаловать меня некому* [Выходцев, 1990: 314]; *Ушиб-убил сердце девичье* [Выходцев, 1990: 239]. В глагольных биномах (и прежде всего в форме настоящего времени) можно увидеть-усмотреть последовательность или одновременность изображаемых

действий: *Она плачет-говорит: «Под мерой миленький стоит»* [СЧ: 275]; *Уже вы скоро седлайте-уздайте добрых коней* [Круглов, 1985: 49]; *Я схожу-пойду с дочерью подумаю* [Круглов, 1985: 80]; *Полетел дрозд, летит-покрикивает, а лиса бежит за ним – глаз не открывает* [Афанасьев, 1958: 35]. Для «эловых» глагольных единств в текстах былин и исторических песен чувствуется какая-то «тоска» по плюсквамперфекту – такое обилие в них бинарных глагольных единиц с обозначением времени, давно прошедшего, больше символического, чем реального: *Как было во сто двадцать седьмом году, в седьмом году восьмой тысячи, а и деялось-учинилося велико горюшко* [Азбелев, 1991: 257]; *Они ездили-гуляли по чисту полю* [Круглов, 1985: 28]; *Князь Роман жену терял, терял-терзал, во реку бросал* [Азбелев, 1991: 134]; *А дай мне вотчину Микитину, чтобы слыла-была вотчина Микитина отныне и довеку* [Азбелев, 1991: 191] и мн.др.

Интересно, что лексические соединения в языке фольклора не всегда сдвоенны, иногда – правда, очень редко и только в стихотворных жанрах, былине и песне – это строенные именованья: *А как услышали его дружья-братья-товарищи* [Аникин, 1986: 49]; *Стали тут есть-пить-прохлаждатися* [Аникин, 1986: 34]; *Государь-батюшка-царь посиживает* [СИП: 88]; *А не для-то мне, братцы, было красы-басы-угожества* [Чичеров, Ухов, 1969: 133]. Возможно, это факт так называемой перепевки длинных стихотворных текстов, при которых часто возникают случаи компрессии текста: традиционные формулы, скрещаясь, дают триаду, в которой второй член, как правило, есть повторяющийся элемент двух устойчивых формул-биномов: например, *есть-пить; пить-прохлаждатися = есть-пить-прохлаждатися; вера-правда, по правде по совести = по вере-правде-совести*. Триады – свойство исторических песен и былин, поэтическая ткань которых во многом выстраивалась и в угоду ритму песенной строки, так что здесь возможен особый поэтический прием нанизывания формульных единств ради сохранения степенного ритма эпического повествования.

Заметны в исследуемом материале и многообразные вариации слов-дуэтов, когда с одним компонентом сочетаются разные: *рать-сила, сила-храбрость, сила-матица, сила-удача, сила-удаль*, даже антонимического содержания: *сила-немошь людская*. Это похоже отчасти на собиранье признаков с целью обобщения, гиперонимизации, путем актуализации скрытого, еще не проявленного в исходном концепте признака: *Сходни бросали на крут-красен бережок* [Чичеров, Ухов, 1969: 216]; *Дядюшка был труден-болен* [Аникин, 1986: 253], *Дает Господь-Бог тучу с градом-дождем* [Чичеров, Ухов, 1969: 126].

Конечно, при определении семантики древних или фольклорных текстов всегда есть некая условность, поскольку сложно, а порой и невозможно приложить современные интерпретации значения, смысла, содержания к лексическим сочетаниям давно ушедшей поры. Поэтому все догадки в этом отношении всегда следует оговаривать как приблизительные.

Фольклорные слова-дуэты, их частотность и чрезвычайная активность, словно свидетельствуют, во-первых, о бинарной оппозиции как характернейшей для русской ментальности когнитивной операции, во-вторых, демонстрируют постоянный «поиск» гиперонима путем удвоения и даже утроения слов с устойчивой общеязыковой семантикой (причем не всегда только синонимичной и тематически близкой). В-третьих, эти формулы создают объем содержания устноречевого текста, его живую ситуативность за счет синкретичности создаваемого образа. Как следствие, создается система специфичных для фольклора формул, не встречающихся в письменных текстах, причем многие из них остаются в устном обиходе и поныне, безусловно, создавая серьезные проблемы для переводчика, если необходимость в переводе появляется.

Жизнеспособность слов-дуэтов и их многообразие в современном русском языке всех стилистических регистров – факт поразительный. Об этом свидетельствует, в том числе, и детский фольклор, также полный и парных, и строенных образований, чаще – звукоподражательного свойства. Многие из них имеют форму ритмических «междометий»: здесь, как кажется, сгущается, нагнетается образ объекта действительности: *Цыцы-брыцы-бубенцы, раззвонились сорванцы* [Виноградов, 1999: 265]; *Шышли-мышли, сопли вышли* [Виноградов, 1990: 324]; *Тинтиль-винзиль, где ты был? Тинтиль-винзиль в городе* [Виноградов, 1999: 332]; *Тетерки-матерки, по кусту, по насту, по белому крыласту* [Виноградов, 1999: 332].

Живая спонтанная речь на ее стилистически сниженном уровне постоянно «подбрасывает» сдвоенные номинации с заведомо игривой, шутовской семантикой, создавая так называемые слова-абракадабры: *шурь-мурь, шырли-мырли, шашлык-машлык, шашни-машни, куськи-пуськи, танцы-шманцы, сяськи-масьськи, уси-пуси* и др. Возникает ощущение, что сам механизм удвоения слов, признаков, по-разному расположенных в иерархической вертикали семантической структуры слов (участников этих пар), живучесть и активность бинарных сочетаний ради соединения порой несоединимого, ради ритма, сгущения звука, смысловых оттенков и т.д. есть не что иное как один из константных признаков когнитивных операций русской мысли во все времена.

Источники

1. Аникин, 1986 – Русский былины / сост., примеч., вступ. ст. В.П. Аникин. М., 1986.
2. Азбелев, 1991 – Исторические песни. Баллады / сост. С.Н. Азбелев. М., 1991.
3. Афанасьев, 1958 – Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1958.
4. Виноградов, 1990 – Виноградов Г.С. Страна детей. СПб., 1999.
5. Выходцев, 1990 – Лирический песни / сост. П.С. Выходцев. М., 1990.
6. Круглов, 1985 – Былины / сост. Ю.Г. Круглов. М., 1985.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.03.2016).
8. Садовников, 1989 – Сказки / сост. Д.Н. Садовников. М., 1989.

9. СИП – Старинные исторические песни / сост. С.Н. Азбелев. М., 1971.
10. СЧ – Сборник частушек / сост. Л.А. Астафьева. М., 1988.
11. Чичеров, Ухов, 1969 – Чичеров В.И., Ухов П.Д. Былины. М., 1969.

Литература

1. Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2005. 28 с.
2. Жолобов О.Ф. К теории и истории гендиадиса // Русская историческая лексикология и лексикография / отв. ред. О.А. Черепанова. СПб., 2000. Вып. 5. С. 103–114.
3. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
4. Метлякова Е.В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 26 с.
5. Николайчук К. Волшебная сказка. URL: www.aha.ru (дата обращения: 02.03.2016).
6. Пименова М.В. Красотою украси... СПб.; Владимир: Изд-во ВГПУ, 2007. 415 с.
7. Вяткина С.В. Синтаксис современного русского языка: словарь-справочник / гл. ред. Г.Н. Акимова. СПб., 2009. 172 с.
8. Фонякова О.И. Стилистическая роль повтора в автобиографических повестях М. Горького // Вопросы стилистики. Вып. 6. Саратов, 1973. С. 56–69.
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1987. 543 с.
10. Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992. 140 с.

*О. В. Редькина (г. Киров)
Вятский государственный университет*

© О. В. Редькина, 2016

Китайская антропонимическая модель и ее влияние на коммуникативное поведение китайских студентов при общении на русском языке

В статье рассматривается структура китайской антропонимической модели и типичные формы и способы обращения к человеку в ее рамках. Анализируются отличительные черты системы китайских обращений с точки зрения вероятности возникновения межкультурной интерференции, препятствующей успешной коммуникации китайцев на русском языке.

Ключевые слова: антропоним, антропонимическая модель, Китай, культура, стереотип, русский язык, межкультурная интерференция

В современном мире, в условиях интенсивных межкультурных и межъязыковых контактов, важно изучать особенности других культур и их влияние на освоение носителями этих культур языка и обычаев других народов [4]. В частности, это позволит понять, почему иностранные студенты допускают социокультурные ошибки при общении на русском языке, и гра-